

Над темными верхушками лесных деревьев взлетела красная ракета, изогнулась на пике, с шипением устремилась вниз.

Дробот, подброшенный вверх какой-то непонятной силой, вскочил на ноги. Одновременно, не дожидаясь специальной команды от находившегося где-то в авангарде Фомина, с земли поднялись другие бойцы.

Самолет был уже, судя по гулу, совсем рядом. Взлетела еще одна ракета, Полина четко выполняла приказ.

Но чего-то не хватало. Роман никак не мог понять, что происходит, точнее — почему ничего не происходит: не вспыхивают разом прожектора, не ревет сирена, не слышно криков, не звучат первые выстрелы. Вместе с остальными он, как и было велено, мчался с автоматом наперевес к лагерю, и партизаны, на удивление, не наткнулись даже на малейшую попытку сопротивления.

Ответ нашелся через мгновение.

Воевать было не с кем. Сопротивляться было некому. Лагерь был пуст.

Ни охранников на вышках, ни конвоя, ни пленных. Оплетенные колючей проволокой ворота стояли нараспашку, словно приглашая атакующих войти...

АНДРЕЙ
КОКОТЮХА

НАЙТИ И УНИЧТОЖИТЬ

АНДРЕЙ
КОКОТЮХА

НАЙТИ И УНИЧТОЖИТЬ

www.ksdbook.ru

ISBN 978-5-9910-2416-7

9 785991 102416 7

www.bookclub.ua

ISBN 978-966-14-5188-8

9 789661 145188 8

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Андрей
Кокотюха

НАЙТИ
И
УНИЧТОЖИТЬ

**Андрей
Кокотюха**

НАЙТИ И УНИЧТОЖИТЬ

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
БЕЛГОРОД СЕМЕЙНОГО
2013 ДОСУГА

УДК 821.161.1
ББК 84.4УКР-РОС
К60

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Андрей Цепотан*

Художник *Наталья Переверзева*

ISBN 978-966-14-5188-8 (Украина)
ISBN 978-5-9910-2416-7 (Россия)

- © Кокотюха А., 2013
- © DepositPhotos.com / Xalanx, Юрий Артамонов, Alexandra Karamysheva, Anton Matuschak, обложка, 2013
- © Shutterstock.com / Hasloo Group Production Studio, обложка, 2013
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2013
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2013
- © ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», г. Белгород, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Размеренная повседневность никогда не поставит вопрос ребром: «Жить или умереть?» Необходимость выбора дамочным мечом нависает над головами, если начинается война. В романе Андрея Кокотюхи военные действия ведутся на всех направлениях: на фронте и в тылу. Здесь присутствует авторский вымысел, но нет места писательской выдумке. Все по-настоящему, жестко, на грани жизни и смерти.

Ремарка после ошеломляющей развязки вызывает некоторое сожаление: неужели события и персонажи вымышленные? Эх! А мы-то поверили, господин автор! Поверили, что были отважный боец Роман Дробот, жестокий предатель-особист Дерябин, партизанский командир Родимцев, он же Строгов. Даже в немецкого барона Отто Дитриха, разведчика из Абвера, поверили!

Золотая монетка в копилку писателя — за то, что бойцы Красной Армии Дроботы, офицеры НКВД Дерябины, партизаны Шалыгины и полицаи Шлыковы стали для нас неотъемлемой частью исторического события, которое принято называть «Великая Отечественная война».

При создании исторического фона в романе автор опирался на архивные документы. К примеру, приказ №8000/1942 «Положение об использовании местных вспомогательных сил на Востоке» от 17 августа 1942 года, подписанный Начальником Генерального штаба генерал-полковником сухопутных войск Ф. Гальдером, регламентировал порядок подбора и использования добровольцев из местного населения и русских

военнопленных там, где ими можно было заменить немецких солдат. Герр Гальдер действовал не по своему почину: ему приказал разработать «Положение» другой влиятельный господин — Адольф Гитлер. При вторжении в СССР фюрер не планировал привлекать к сотрудничеству коллаборационистов. Однако гигантские потери сухопутных войск, которые к августу 1942 года, с учетом убитых, раненых, пропавших без вести, составили 1 млн 472 тыс. человек, вынудили Гитлера пойти на этот шаг.

В книге упоминаются тыловые хиви, служившие при военных комендатурах вермахта. Для большинства военнопленных влиться в ряды хиви (или «гиви», как их называли в показанном на украинском телевидении документальном фильме «1941. Запрещенная правда») — единственный способ избежать смерти в концлагере. Это был реальный шанс спасти свое тело, потеряв при этом душу.

«На что я готов, чтобы выжить?» — вопрос, который не раз задают себе герои романа «Найти и уничтожить». Кто-то предпочитает смерть предательству своих товарищей. Кто-то после жестокости советской власти и пережитых при ней унижений не считает, что изменяет Родине, ища в немцах спасителей от коммунистов. Кто-то понимает: между режимами разницы нет — и начинает сражаться только за себя. Кто-то пополняет ряды тех, кого сами фашисты считали человеческим отребьем.

Хотелось бы, чтобы от читателей не ускользнула именно эта глубокая составляющая авторского замысла. Из привычных ингредиентов военно-приключенческого романа приготовлена взрывоопасная смесь: перестрелки, схватки, погони, интеллектуальные поединки, постепенно закручивающаяся пружина интриги... За всем этим — основная мысль: на войне каждый хочет выжить любой ценой. Но всегда ли стоит платить *любую* цену?

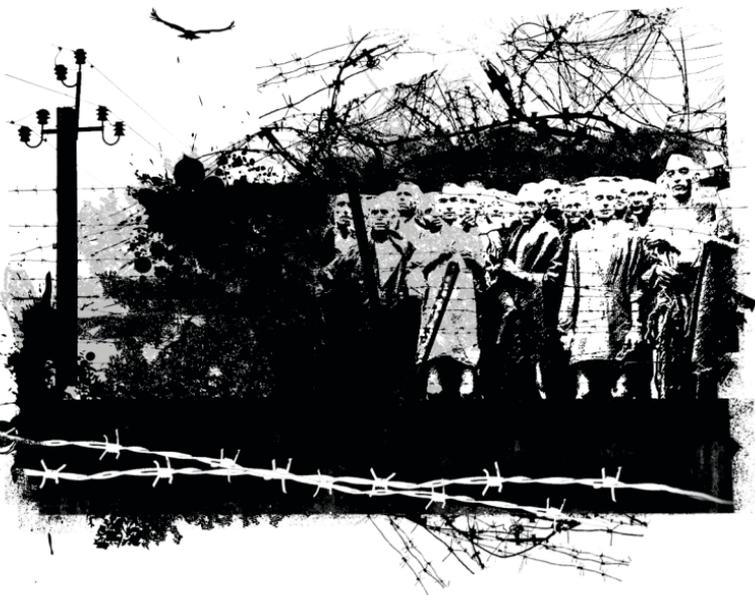
Огонь настиг их как раз в тот момент, когда Тернер нырнул под перевернутый грузовик. По лежавшим на асфальте людям пронеслась тень штурмовика. Тернер втянулся глубже в пустую нишу между шасси и передним колесом. В ожидании следующего самолета он свернулся, как эмбрион, закрыл голову руками, плотно зажмурился и думал только об одном — выжить...

Иэн Макьюэн. Испупление

Часть первая

Лагерь

Сумская область, район Ахтырки,
март 1943 года

До войны здесь держали колхозный скот.

Хлев чудом уцелел во время бомбежек. Сколоченный из грубых, кое-как пригнанных друг к другу досок и продуваемый всеми ветрами, он все-таки сохранил запахи, которые обычно сопровождают скотину, — прелой соломы и навоза. Что подтверждало одну простую истину: дерьмо неистребимо во всех его проявлениях.

Роман Дробот родился и вырос в Киеве, причем в центральной части города, о сельской жизни имел очень смутное представление и прелестей крестьянства на себе не испытал. Но запахи запомнил с детства: его отец, профессор биологии Михаил Иванович Дробот, имел привычку брать внаем на летние месяцы дачу за городом. Под словом «дача» ученый-естественник понимал уютную сельскую хату, желательнее — на окраине, ближе к лесу и речке. Человек должен сблизиться с природой, говорил папа, снимая в таких случаях очки в тонкой оправе, и когда Рома видел этот жест, вздыхал: значит, предстоит выслушать длинный монолог, пересыпанный трудными для понимания словами из учебников и других научных книг. А суть понятна: человек — часть природы, ее порождение, высшая форма, поэтому чуждаться исконного не должен.

Дроботу-младшему на сельских «дачах» было невероятно скучно, чего не скажешь о младшей сестренке: Люська довольно быстро находила общий язык с местными девчатами, те глядели на ее городские наряды, как на одеяния неземного существа, и сестра с материнского разрешения отдавала новым подружкам то из своего гардероба профессорской дочки и киевской барышни, что ей самой надоело, не нравилось или уже не подходило.

У Романа с сельскими хлопцами не ладилось. Хотя бы потому, что те были сильнее, смелее и ловчее. Навыки, полученные в спортивных кружках Осоавиахима, куда Дробот-младший записывался, следуя духу времени, не шли ни в какое сравнение с умением деревенских ездить на конях без седел, легко ориентироваться в окрестных лесах, плавать, как рыбы, ныряя с бережка обычно голяком, и главное — драться. Здесь не боялись пускать кровь похлеще, чем в киевских подворотнях и каменных дворах-колодцах: тамошние обитатели любили погонять профессорских сынков и других тюфяков, позоривших двор и улицу. Но городские дворы имели целый свод неписаных правил, которые соблюдались неукоснительно. Потому, когда Ромка однажды все-таки дал серьезный отпор, вложив в кулак все свои знания, полученные на секции французской борьбы, его тогда хоть и избили крепче обычного, но с тех пор трогать и задирать перестали. Сельские же парни являли собой стихию, дикую и неуправляемую, не признающую правил и ограничений. Для них городской оставался чужим, пока не станет таким, как они. Чего Рома Дробот себе позволить не мог.

И все-таки однажды поддался на провокацию. Его взяли на слабо, завязали глаза, завели в лес и бросили там, чтобы поглядеть, как городскому удастся выбраться. Рома плутал до темноты.

Мать с вернувшимся из Киева отцом подняли тревогу, мальчишек родители успели примерно наказать, а Люська даже расплакалась — думала, что навсегда потеряла стар-

шего брата и его растерзали волки. Но ни волков, ни других зверей, кроме разве что белок, Роман во время своих блужданий не встретил. Вышел из лесу сам. Правда, с другой стороны, не с той, откуда его ожидали, и появился в селе как раз в тот момент, когда местные дядьки, организованные профессором Дроботом в поисковый отряд, готовились прочесывать лесной массив.

Ромке тогда тоже влетело. Его не били, у них в доме было не принято бить детей. Но пусть бы ударили: все лучше, чем выслушивать длиннющие поучительные отцовские речи. Однако именно тот случай открыл Роману Дроботу неожиданное увлечение: он загорелся научиться ориентированию в лесах, даже уломал папу купить ему компас. Свои экспедиции и вылазки совершал в одиночку, только однажды взяв с собой Люську, за что снова получил серьезный выговор от отца.

Папа, мама и сестра погибли осенью сорок первого.

Роман ушел добровольцем на фронт со второго курса Киевского университета, собирался стать юристом. Профессор Дробот попытался подключить свои связи, чтобы обеспечить сыну бронь, ведь учиться можно и в эвакуации. Но Роман решительно отказался. Между отцом и сыном состоялся непростой разговор, оба говорили на повышенных тонах. Когда профессор схватился за сердце, мама бросилась к нему, Роман же не принял это всерьез — наоборот, схватил заранее собранные вещи и ушел, хлопнув дверью. Позже, когда немцы вошли в Киев и он с длительной оказией получил плохие вести о судьбе родных, корил себя за тот поступок, понимая, что у него уже не будет возможности попросить прощения.

А семью Дроботов накрыло авиабомбой. Немецкие самолеты утюжили колонны гражданских, уходящих в тыл. Добирались кто пешком, кто на подводах, поезда не ходили. Профессору Дроботу чудом удалось раздобыть гужевого транспорт в одном из сел, куда они добрались на случайно подвернув-

шейся попутной полуторке. Там их семья чаще всего снимала дачу, и колхозный председатель выделил подводу. Вернее, пристроил Дроботов к семье своей свояченицы, те тоже решили уйти подальше от быстро приближающейся линии фронта. Когда над беженцами повисли самолеты и сверху посыпались безжалостные бомбы, — как написали Роману в коротком письме, которое прилагалось к сухому канцелярскому ответу на его запрос, — мать успела столкнуть Люсю с подводы, и пятнадцатилетняя девочка бросилась сломя голову к лесу, за спасительные деревья. Она слышала разрывы за спиной, но не видела, как вдруг взметнулась земля, осыпалась вперемешку с кровавыми клочьями и на месте, где стояла их подвода, образовалась глубокая страшная воронка. Может, это и хорошо, что гибель родителей произошла не на глазах сестры, подумал тогда Дробот. Может, и ладно, что сама в следующую секунду умерла мгновенно, прошитая пулеметной очередью, — разбегающихся людей расстреливали на бреющем полете, опуская самолеты настолько низко, насколько позволяли летные правила.

Сестра, прибитая пулями к земле.

Именно этот кошмар преследовал Романа в те редкие минуты покоя, которые выпадали за полтора военных года.

Именно эта, не виденная, лишь представленная в трагических подробностях картина, всплывала перед глазами рядового мотострелкового батальона Дробота теперь, когда изо дня в день он видел перед собой периметр колючей проволоки, вышки с часовыми и лагерных охранников, среди которых русская и украинская речь слышалась чаще, чем немецкая.

Едва их с Дерябиным и еще десятью пленными привезли сюда, в лагерь, устроенный на месте бывшей колхозной фермы, Роман удивился — откуда столько *наших*. Хотя тут же жирно перечеркнул это слово. Это — не наши, это предатели, изменники Родины, которые послушно охраняют пленных красноармейцев. Вскоре от лагерных старожил он

узнал — здешних охранников называют *хиви*¹, формируются они из добровольцев, которых достаточно не только среди местного населения, но и среди пленных. Те, кто не выдерживал ужасов лагеря и стремился выжить, записывались в хиви, без принуждения, даже проявляли инициативу. Дроботу показали тех охранников, которые всего месяц назад еще сидели в хлеву вместе со всеми.

Самым злобным оказался один из них — он требовал называть себя господином Лысянским или господином ландшущманом². В первый же день, когда Романа вместе с Дерябиным и другими пленными доставили в лагерь, тот выстроил пополнение в ряд, критически осмотрел и велел раздеться всем тем, у кого приметил целую шинель, гимнастерку, галифе и сапоги. Услышав приказ, Дробот покосился на Дерябина, и тот словно ощутил этот взгляд — повернул голову в его сторону, тут же отвернулся. Он оказался чуть ли не единственным, кого приказ Лысянского не касался: рукав солдатской шинели, снятой не так давно с убитого, был наполовину оторван, добытая тем же способом гимнастерка — прострелена, только с офицерскими сапогами, предметом своей гордости, старший лейтенант тогда, на опушке, не расстался. Не собирался снимать их и здесь,

---

¹ Хиви (нем. *Hilfswilliger*, желающий помочь; *Ost-Hilfswilligen*, восточные добровольные помощники) — добровольные помощники вермахта. (*Здесь и далее примеч. авт.*)

² Ландшущ — ополчение из граждан рейха, непригодных к фронтовой службе. На оккупированной территории батальоны ландшущманов несли преимущественно тыловую службу. Добровольцы-хиви входили в состав ландшущ-батальонов, подчиняясь немецкому командованию. Такие батальоны пополнялись, в том числе, за счет вахкоманд и взводов вспомогательной полиции (полицаев). В некоторых случаях командиры коллаборационистов — хиви получали те же полномочия, что и шущполиция — гражданская оккупационная полиция рейхскомиссариата «Украина», административно-территориальной единицы, образованной в августе 1941 года немецкой администрацией на территории оккупированной Украины и введенной в состав Третьего рейха.

но когда охранник вскинул карабин и навел ствол на его голову, Николай, стиснув зубы, разулся.

Так пленные стояли в одних портянках в мокрой холодной грязи, пока полицейские собирали трофеи. Еще до наступления темноты Дробот увидел, как их одежду свалили в кучу на разложенный широкий брезент прямо у караулки, и Лысянский лично менял ее на продукты и самогон, который несли из ближайшего села люди. Крепкая одежда в тылу ценилась, ее перешивали или везли на базар, где меняли на сахар, спички, керосин, спирт.

Это рассказал Вася Боровой, в недавнем прошлом — сотрудник одной из местных комендатур, брошенный в лагерь как пособник партизан. Связи с ними тот не отрицал, даже радовался, что не расстреляли на месте, как часто бывало за подобные преступления. У Васи не было двух пальцев на правой руке, до войны он работал на пилораме. Когда пришли немцы, завербовали сразу же, но в Германию на работы не погнали, тоже благодаря инвалидности. Со слов самого Борового, он просто хотел выжить, стараясь не особо рвать пуп на немцев. Но вскоре на него вышло подполье. В записке от партизан говорилось: не станешь помогать — расстреляем как пособника. Так, оказавшись меж двух огней, Боровой все-таки выбрал сотрудничество со своими.

За что, по его словам, и поплатился.

— Знаешь, чего я тут? — сказал он Дроботу и тут же ответил на свой вопрос: — Меня по доносу взяли. Немцы, чтоб ты понимал, доносам не всегда верят. Сначала верили, конечно. После поняли: у нас тут сосед на соседа напишет клевету только за то, что когда-то сосед с его девкой обжимался. Я на этом выехал.

— Выехал?

— Ага. Так бы шлепнули на месте. А так поволокли в Ахтырку. Там комендант... ну... начальник полиции — наш, Петро Шлыков, до войны в милиции работал. Понимает тутошнюю публику, как дела в своей хате. Если б кто посторонний донес,

хана мое дело. Свой же, сосед. Говорю: господин начальник, у него сына повесили, хлопец моего возраста, он и злится. Ладно, говорит, до выяснения посиди в лагере. Тут, значит.

— И скоро выяснят?

— А хрен его знает, — признался Боровой. — Бывает, выпускают. По-другому никак, только заложить кого из своих. Или вон в охрану записаться.

Ни один из вариантов, как рассудил Дробот, для Васьки не подходил. Пока же его новый лагерный знакомый трудился в похоронной команде.

Одежду, точнее — тряпье, снятое с мертвых, должны были выбрать себе лагерные новички из общей кучи, сваленной прямо за хлевом.

Дерябин обулся в рваные ботинки. Дроботу достались штаны, из которых частично вылезла вата, и ноги в них выглядели шишковатыми; покрытая засохшей кровью, но целая телогрейка, обрезанные под чуни резиновые сапоги. Стриженую голову прикрыл неизвестно откуда взявшимся в груде обносков старым танкистским шлемом. Уютнее от этого не стало, но когда Роман натянул шлем, поймал себя на странной и совершенно неуместной мысли: теперь уши не продует и шея закрыта.

Защите именно этих частей тела членов своей семьи мама всегда уделяла особое, даже болезненное внимание. Отца с ранней осени до поздней весны не выпускала из дому, пока тот не укутается собственноручно ею связанным шарфом. Такие же «профилактические» шарфы получили и дети. Ромка, становясь старше, все чаще с какой-то бунтарской одержимостью сдирал его, прячась в глубине двора, а когда возвращался домой, там же снова наматывал. А как-то раз забыл, оставил шарф в портфеле, и мама в тот вечер сильно расстроилась, сподвигнув отца на очередную воспитательную лекцию.

Оказавшись на грубо сколоченных нарах, в продуваемом всеми ветрами хлеву, за колючей проволокой, не понимая,

доживет ли он здесь до завтра, Дробот, тем не менее, невольно улыбнулся своему вынесенному из детства воспоминанию. И желанию не простудиться, чтобы не огорчить маму.

Старший лейтенант Николай Дерябин устроился рядом. Не потому, что решил держаться вместе с рядовым Дроботом, хотя они служили в одном батальоне. Просто когда двенадцать пленных вошли в хлев, превращенный в угрюмый лагерный барак, особо выбирать было не из чего. Нары тянулись вдоль стен сплошным рядом, оставляя между собой только узкий, не больше полутора метров в ширину, проход. В разных местах зияли пустотой свободные участки нар. Когда Роман машинально полез на ближайшие, попросив тех, кто сидел там, подвинуться, Дерябин двинулся следом — не захотел идти вглубь хлева. Но Дробота не отпускала мысль: особист и здесь продолжает его конвоировать, не желая отдавать себе отчет, что оба они теперь в равном положении.

И на одинаковом расстоянии от смерти.

...Рядового Дробота должны были судить и расстрелять.

Такой приговор пророчил ему начальник особого отдела батальона майор Никодимов. Хотя мог быть и другой вариант: штрафная рота, где сержант должен смыть вину кровью. Или, скорее всего, погибнуть в бою — Роман знал, что штрафников бросали на опасные участки фронта первыми, зачастую не выдавая оружия. Те отчаянно шли врукопашную, рвали немцев руками и зубами, получая больше шансов выжить, чем оставшись в траншее, — в спины штрафников смотрели безжалостные пулеметы, и этого тоже никто не скрывал. Потому остаться в живых Роману Дроботу в обозримом будущем не светило. Ругая себя последними словами за неподходящие мысли, он все-таки вынужденно признавал закон вывихнутой логики военного времени: плен на какое-то время нарушил планы военного трибунала и продлил ему жизнь.

В особом отделе батальона Дробот оказался по доносу. Кто из товарищей проявил бдительность, Роман не знал и те-

перь уж точно никогда не узнает. Точно так же, как потом не мог объяснить даже самому себе, зачем с его языка сорвалось: «*Опять драпаем, вашу мать!*» Конечно, с учетом резко изменившейся в конце февраля ситуации на фронте трудно пояснять майору НКВД, что не ругал он матерно командование Красной Армии, членов Военного Совета, партию и лично товарища Сталина, как значилось в доносе, который ему вслух зачитали.

Повидав с осени сорок первого более чем достаточно для того, чтобы научиться сдерживаться и контролировать себя, здесь Роман не выдержал. Чуть ли не впервые за долгое время в нем проявился профессорский сынок, который, будучи битым, старался сохранить достоинство и требовать хотя бы элементарной справедливости. Если бы тогда перед ним сидел не майор в новенькой форме, с недавно введенными погонами с одной звездой на плечах вместо эмалевого ромба на вороте, а тот же старший лейтенант Дерябин, «Ворошиловский стрелок» из Ворошиловграда, Дробот и не подумал бы пререкаться. Но майорское звание почему-то убедило: начальник особого отдела — грамотный, толковый, понимающий человек, способный разобрать, что сказано сознательно, а что вырвалось по глупости, на эмоциях, просто от усталости. Ведь и впрямь вскоре после Сталинграда немцы вновь теснят, Красная Армия отступает, оставляя только-только отбитые у врага города и села. Как же так, бойцы же еще слишком хорошо помнят, как отступали летом сорок второго под презрительными взглядами стоявших вдоль дорог женщин и стариков.

Майор выслушал внимательно. Дал рядовому выговориться. После чего подвел жирную черту: подобные настроения — пораженческие, товарищ, вернее, уже *гражданин* Дробот демонстрирует их сознательно, подтверждение тому — незаконченное высшее образование. Ладно бы рабочий или крестьянин сомневался в мощи Красной Армии и мудрости руководящей и направляющей роли партии, с теми

проще, у них не всегда хватает знаний для верной оценки ситуации. Чего не скажешь о нем, Дроботе: прекрасно знает, о чем говорит, разлагает личный состав, а по законам военного времени это есть тяжкое преступление. Короче говоря, пускай с рядовым Дроботом разбираются в Особом отделе фронта. Соответствующие сопроводительные документы майор подготовит быстро, пока же Романа посадили под арест.

Уже к середине следующего дня его отправили по инстанции. Старший лейтенант НКВД Николай Дерябин получил приказ конвоировать преступника, лично доставить по назначению, передать бумаги и не задерживаться, на передовой, как видно, работы для особиста тоже хватает. Похоже, случаи разложения среди личного состава будут и в дальнейшем иметь место.

Их разместили в кузове полуторки. Руки Дроботу решили не связывать, отобрали только ремень, велели взять документы и личные вещи. Предварительно Дерябин лично обыскал его «сидор», и распоряжение о личных вещах вселило в Романа некую слабую надежду: может, не сразу к стенке. Вдруг обойдется штрафным батальоном, а там уж он, научившийся выживать в городских дворах киевский парнишка, постарается поймать шальную пулю — это считалось испулением вины.

Арестованный и его конвоир ехали в кузове вместе с бойцами, два взвода мотострелков поступали в чье-то распоряжение по чьему-то приказу, в детали Дробот не вникал.

Через час после того, как две полуторки покинули расположение батальона и, уверенно меся грязь размытой дороги на средней скорости, двигались в указанном направлении, их атаковал немецкий истребитель.

Внезапно появившись из-за верхушек деревьев, он тут же увидел цель, спикировал, плюясь огнем, — и головную машину занесло в кювет: пули прошили лобовое стекло, поразив водителя и сидящего рядом с ним в кабине лейтенанта. Второй автомобиль, в кузове которого среди прочих тряс-

лись Дробот с Дерябиным, вильнул вправо, уходя из-под огня, и шоферу чудом удалось это сделать. Пока «фоккевульф» заходил на новый смертельный вираж, полуторка прибавила скорости и помчалась по пересеченной местности под прикрытие леса, поставив перед истребителем сложную, практически невыполнимую задачу — охотиться сразу за двумя мишенями. Потому их машина выиграла время, пока «фоккер» снова зашел над головной машиной и методично добил разбегающихся во все стороны солдат.

Однако самолет в небе все равно двигался быстрее автомобиля на земле: уже с третьего захода истребитель снова догнал полуторку. Именно в тот момент Роман сделал то, чего от себя никогда не ожидал и что подсказывал ему неистребимый инстинкт самосохранения. Приподнявшись со дна кузова, куда упал вместе с остальными, как только «фоккер» атаковал, он ухватился за борт, перемахнул через него, выбрасывая тело в грязь. Падая, пришел на плечо, сгруппировавшись за секунды и спасая голову. Влажная почва смягчила удар, сержант перекатился, вскочил на четвереньки, затем — на ноги и побегал, не разбирая дороги, подальше от опасного места, но тоже стремясь добраться до лесной опушки.

Сквозь стрекотание пулемета и рев мотора Дробот услышал позади себя:

— Стой! Стоять, сволочь! — И уж совсем лишнее в создавшемся положении: — Стрелять буду!

Оглянувшись на бегу, Роман увидел Дерябина. Старший лейтенант сделал то же самое, увидев, как пытается убежать его подопечный, не отдавая себе тогда отчета: последовав примеру беглеца, он тем самым спас свою собственную жизнь. В следующее мгновение истребитель завис над машиной, поливая свинцом всех, кто лежал в кузове.

Рвануло — пули прошили бензобак.

Все-таки это дало небольшую фору арестованному и его конвоиру. Пользуясь моментом, Роман из последних сил рванул под защиту леса. Дерябин припустил за ним, и когда оба

оказались за деревьями, «фоккер» уже довершил расправу и скрылся из виду так же быстро, как и появился.

— Сбежать хотел, сука? — гаркнул особист, еще не до конца отдышавшись.

— Куда? — спросил Дробот и, не обращая внимания на пистолет в руке Дерябина, прислонился к стволу сосны спиной, затем медленно опустился на землю и так, сидя, взглянул на старшего лейтенанта снизу вверх, повторив: — Куда? И от кого?

— Я тебя на месте шлепну. Без приговора, — пригрозил Дерябин.

— Валяй, — устало кивнул Дробот. — Фрицы начали — ты закончишь.

Посмотрев зачем-то на пистолет, Николай, немного подумав, спрятал его назад в кобуру. Затем обернулся, посмотрел, как полыхает на открытой местности их полуторка, и перевел взгляд на головную машину.

— Надо проверить, может, есть кто живой, — проговорил он. — Только смотри мне, если что...

— А что? — уточнил Роман, даже не пытаясь подняться.

С этим старшим лейтенантом он никогда раньше не пересекался. У них в батальоне тот появился совсем недавно, щеголяя новенькой формой. Если Дерябин и был старше Дробота, то ненамного, года на три. Впрочем, годы войны старили даже вчерашних школьников, и на первый взгляд нельзя было наверняка определить возраст человека. Хотя, судя по всему, Николаю не больше двадцати пяти. Откуда его перевели в особый отдел их батальона, где он служил раньше — всего этого рядовой Дробот не знал и при других обстоятельствах предпочел бы вообще не пересекаться с особистом как в мирной жизни, так и на войне. Теперь же складывалось, что выбираться из создавшегося положения им предстояло вместе.

Подобной компании Дробот не особо радовался. Подозревал — Дерябин чувствует то же самое по отношению к нему. Но другой компании у каждого из них не было.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	5
<i>Часть первая</i>	
Лагерь	9
<i>Часть вторая</i>	
Отряд	79
<i>Часть третья</i>	
Лес	145
<i>Часть четвертая</i>	
Поселок	217
От автора	297

Літературно-художнє видання

КОКОТЮХА Андрій

Знайти і знищити

Роман

(російською мовою)

Головний редактор *С. С. Скляр*
Завідувач редакції *К. В. Шаповалова*
Відповідальний за випуск *Т. М. Куксова*
Редактор *С. В. Душкевич*
Художній редактор *Н. В. Переходенко*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*
Коректор *О. В. Кузнецова*

Підписано до друку 28.03.2013.
Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturnaya». Ум. друк. арк. 15,96.
Наклад 10 000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів
у ПАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

КОКОТЮХА Андрей
Найти и уничтожить
Роман

Главный редактор *С. С. Скляр*
Заведующий редакцией *Е. В. Шаповалова*
Ответственный за выпуск *Т. Н. Куксова*
Редактор *С. В. Душкевич*
Художественный редактор *Н. В. Переходенко*
Технический редактор *А. Г. Вережкин*
Корректор *Е. В. Кузнецова*

Подписано в печать 28.03.2013.
Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturnaya». Усл. печ. л. 15,96.
Тираж 10000 экз. Зак. № .

ООО «Книжный клуб
“Клуб семейного досуга”»
308025, г. Белгород, ул. Сумская, 168

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ПАО «Белоцерковская книжная фабрика»
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

Издательство Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
www.trade.bookclub.ua

ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ КНИГАМИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

МОСКВА

Бертельсманн Медиа Москау АО

129110, г. Москва, пр. Мира, 68, стр. 1-А
тел. +7 (495) 688-52-29
+7 (495) 984-35-23
e-mail: office@bmm.ru
www.bmm.ru

ХАРЬКОВ

ДП с иностранными инвестициями

«Книжный Клуб

«Клуб Семейного Досуга»»

61140, г. Харьков-140,
пр. Гагарина, 20-А
тел./факс +38 (057) 703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

ДОНЕЦК

ООО «ИКЦ «Кредо»»

83096, г. Донецк, ул. Куйбышева, 131-Г
тел. +38 (062) 345-63-08, +38 (062) 348-37-92, +38 (062) 348-37-86
e-mail: fenix@kredo.net.ua
www.kredo.net.ua

КИЕВ

ЧП «Букс Медиа Тойс»

04655, г. Киев, пр. Московский, 10-Б, оф. 33
тел. +38 (044) 351-14-39,
+38 (067) 572-63-34,
e-mail: booksmt@rambler.ua

ЗАПОРОЖЬЕ

ФЛП Савчук Ю.Д.

69057, г. Запорожье, ул. Седова, 18
тел. +38 (050) 347-05-68
e-mail: vega_center@i.ua

Одесское

подразделение

65063, г. Одесса, ул. Армейская, 8-В
тел. +38 (048) 776-07-67
e-mail: odessa@bookclub.ua

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

УКРАИНА

служба работы с клиентами:

тел. +38 (057) 783-88-88
e-mail: support@bookclub.ua
Интернет-магазин: www.bookclub.ua
«Книжный клуб», а/я 84, Харьков, 61001

РОССИЯ

служба работы с клиентами:

тел. +7 (4722) 22-25-25
e-mail: order@flc-bookclub.ru
Интернет-магазин: www.ksdbook.ru
«Книжный клуб», а/я 4, Белгород, 308961

Військовополонені в німецькому таборі сержант Роман Дробот і чекіст Микола Дерябін усвідомлюють, що їх невдовзі розстріляють. Микола стає на бік окупантів, а Роману вдається вибратися з-за колючого дроту. Тепер Дробот у складі партизанського загону має намір знищити секретний спецоб'єкт фашистів, про який він дізнався від одного з ув'язнених. Загін готує несподіваний і жорсткий удар, але який прийом чекає народних месників у лігві ворога?..

Кокотюха А.

К60 Найти и уничтожить / Андрей Кокотюха ; предисл. С. В. Душ-кевича ; худож. Н. Переверзева. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», 2013. — 304 с. : ил.

ISBN 978-966-14-5188-8 (Украина)

ISBN 978-5-9910-2416-7 (Россия)

Военнопленные в немецком лагере сержант Роман Дробот и чекист Николай Дерябин понимают, что их вот-вот расстреляют. Николай переходит на сторону окупантов, а Роману удается выбраться из-за колючей проволоки. Теперь Дробот в составе партизанского отряда намерен уничтожить секретный спецобъект фашистов, о котором он узнал от одного из заключенных. Отряд готовит неожиданный и жесткий удар, но что ждет народных мстителей в логове врага?..

ББК 821.161.1

ББК 84.4УКР-РОС